

Игорь Шестков

ЯХТА «СИРАКУЗЫ»

На роскошной яхте, принадлежавшей герцогу, я чувствовал себя прескверно. Меня то и дело рвало, голова кружилась, мысли путались. Болел живот. Настроение было отвратительное. Даже бредил иногда, чирикал как птица. И галлюцинировал.

Представлялось мне, что Архимед из школьного учебника истории, с мраморной головой, слепит меня какими-то зеркалами. Слепит и слепит. А я, хоть и лежу на койке в своей каюте, но бегу от него по бесконечным коридорам громадного лабиринта. Бегу и ору: Я не римский корабль, зачем ты слепишь меня, старик? А он отвечает: Нет, ты корабль. Ты попробуй, не беги, встань в уголок и глазки открой, и все будет хорошо. Все, все будет хорошо. Как у канареек.

Кричу ему: Я не канарейка!

А он: Нет, ты канарейка. Тут, на яхте ты канарейка. Открой глазки и посмотри на меня!

...

Я ничего не ел, пил минеральную воду и сосал коричневый леденцовый сахар, чтобы с голоду не умереть.

Море волновалось. Шестидесятиметровая яхта «Сиракузы», элегантно покачиваясь, легко, как нож масло, резала средиземноморские октябрьские волны, но мне казалось, что она то и дело замирает, трясется, а потом падает в бездонную водяную яму, из которой ее поднимает огромным рычагом все тот же Архимед. Поднимает, гадко посмеиваясь в бороду, а потом берется за зеркало. И я опять бегу от этого режущего света по лабиринту.

Ко всем этим мучениям прибавлялся стыд. Стыд больного перед здоровыми.

Мне было стыдно перед другими гостями на яхте, провинциальными магнатами, членами нашего городского совета. Почти со всеми из них я был знаком, трое или четверо были в свое время протеже моего отца и приходили к нам домой, когда я был еще ребенком. Сажали меня на колени и тискали.

Все магнаты были значительно старше меня, некоторые уже хромали, другие – болезненно похудели или растолстели, двое – страдали болезнью Паркинсона, а один – Альцгеймера, но кинетоза у них не было, а у меня он был, и какой.

Действительно, канарейка.

Чтобы не показывать им мою постную физиономию с темными кругами вокруг глаз и свинцовыми впалыми щеками я безвылазно сидел в своей кабине. Лежал на кровати лицом вниз, слушал ноющую арабскую музыку и старался подолгу не открывать глаза, чтобы Архимед не выжег их своими дьявольским зеркалом. Боролся как мог с приступами тошноты.

– Это не море виновато и не качка, это твоя мизантропия нашла наконец себе форму для воплощения, форму и ритм, – твердил я себе, – нельзя жить так, как ты живешь, быть таким эгоистом и вдобавок так презирать работающих людей и надеяться на то, что это сойдет тебе с рук. Ты получил только то, что заслужил.

- А Архимед тут откуда взялся? Зачем он меня мучает? Что я ему сделал?
- Кто знает. Может быть, тот самый римский воин, который его мечом прикончил был твоим пра-пра-пра-дедушкой.
- Даже если это так, слепить больного человека зеркалом – подло.
- А ты что, хочешь, чтобы он тебя лизал?

...

Несколько раз меня посещал корабельный врач, поляк, фамилию которого я так и не научился произносить правильно. Шутник надевал противочумную средневековую маску с клювом, круглые очки, темный цилиндр и черный халат, на поясе которого болтались засушенные жабы, и становился ужасно похожим на доктора Шнабеля.

Приносил мне какие-то белые пилюли с красной полосочкой посередине и настоятельно советовал чаще выходить на палубу и дышать свежим воздухом.

Пилюли я сразу выбрасывал в унитаз, не верю я в фармацевтику.

Свежий воздух? Можно и иллюминатор открыть.

Меня тошнило от одной мысли об уходящей из под ног палубе и о купающихся вместе с голыми гетерами в корабельном бассейне под синей пластиковой крышей, гогочущих начальниках, которых герцог пригласил на яхту для того, чтобы их две недели не было в городе, и он мог бы спокойно провернуть очередное сомнительное дело.

Меня он позвал якобы для того, чтобы я «отдохнул и развлекался после всех этих кошмарных событий и заодно украсил собой общество. Ваш такт, Генри, ваш стиль, ваше умение задать тон будут очень к месту, поверьте».

К какому месту, что за вздор?

На самом деле мой стиль герцога вовсе не интересовал, он надеялся на то, что я буду подслушивать разговоры млеющих в объятиях молодых конкубинок магнатов, а потом расскажу ему все, что услышал. Он знал, что у меня прекрасная память на подробности. Особенно его интересовало, какой фирме городской совет решит поручить обновление нашего знаменитого парка Сан-Мари – посадку эвкалиптов и платанов и ремонт пришедших в негодность фонтанов. Принадлежавшей любимцу и «племяннику» герцога, молодому барону Корбу, «старательному и исполнительному педанту» или «шарашке этих несносных выскочек, братьев Эрмлеров».

Меня не очень удручало то, что из-за моего состояния я физически не мог выполнить это поручение. Не княжеское это дело – подслушивать в сауне разговоры упивающихся своим могуществом и богатством самодовольных демагогов. Я согласился на предложение герцога только потому, что был ему многим обязан. Он смог замять «Дело об оторванных головах», точнее он добился того, что имена князей Эстерхази перестали с ним связывать. Как он смог заткнуть рот прессе, я не знаю, но это успокоило моих родителей, а это главное. Кроме того, только благодаря его личной дружбе с главой департамента Верхние Альпы ни меня, ни моего кузена Ипполита не преследовали за пожар в замке Вьери. Машину Ипполита опознали тогда местные жители. Трудно не узнать его Линкольн! Ну да, мы действительно подъехали на Линкольне к проклятому замку около шести вечера, как нам и было назначено пригласившим нас письменно господином Мольтке. Как выяснилось –

бесследно исчезнувшим. Дверь в замок открылась, как только напольные часы пробили восемнадцать раз, мы вошли в прихожую, подождали, но никто к нам не вышел. Мы обошли весь замок. Только на крышу не лазили и в подвал не спускались. Не считая многочисленных, покрытых пылью восковых кукол в человеческий рост и сюрреалистических ландшафтов на стенах, зачехленной старинной мебели и громоздких люстр из пожелтевшего хрусталя – он был пуст. Ни одной живой души.

Мы уехали. А ночью замок запылал. Около трех. И сгорел дотла.

Мы были в городе, когда это случилось. Ипполит – гонял шары на старом биллиарде в своем поместье и пил Кампари, что подтвердили его слуги, Мартин и Иштван. А я – нежился в «Миракле» на зеленом канapé с двумя прелестными близняшками.

И тем не менее против нас начали дело, потому, что мы были, согласно показаниям очевидцев, – единственными посетителями замка за последние сорок лет. И еще – из-за народной неприязни к аристократии, от которой французов не смогла избавить даже долго работающая в позапрошлом веке гильотина.

...

Предусмотрительный герцог завербовал на должность шпионок еще и половину из двенадцати или четырнадцати нанятых им для услаждения гостей на яхте в «Золотых качелях» проституток. Как он позже сам мне рассказал, они подтвердили его подозрение – городской совет действительно хотел нанять дешевых и трудолюбивых работников братьев Эрмлер. И герцогу стоило невероятного труда переубедить совет и поручить озеленение и ремонт избалованным и ленивым служащим барона Корба. Они затянули эту сравнительно небольшую работу на годы и вытянули из городской казны несколько миллионов незаработанных франков. Половина посаженных деревьев высохла уже через год (потому что их никто не поливал), а фонтаны так никогда и не заработали надлежащим образом. Якобы приезжие воры-румыны украли насосы и медные трубы, подводящие воду.

...

Помимо матросов и поваров на борту яхты работала бригада слуг, выходцев с Молуккских островов. С шоколадной кожей и оливковыми глазами. Пахли они красным мускусом и вседозволенностью. Носили только набедренные повязки и лиловые шапочки с вышитыми на них гвоздиками и райскими птицами.

Один из них – Кришна, седой, маленький, моложавый и очень сильный старик – ухаживал за мной. Приносил и уносил еду и питье. Каждый день менял белье на моей постели. Убирался в каюте и нежно гладил меня по вискам и щекам. Даже мыл меня в перламутровой ванне. Я сам не мог намылиться. Кришна помогал мне дойти до ванны и плюхнуться в воду, ласково тер меня греческой губкой и гортанно пел что-то как шаман на непонятном мне языке.

Кришна залезал ко мне в ванну, массируя меня прямо в пене, гладил по груди и животу, пытался возбудить, предлагал знаками заняться с ним содомским грехом. Совал мне в руки искусно сделанные гомоэротические нэцкэ.

Был готов и к оральной, и пассивной, и к активной любви. Открывал рот и демонстрировал мне длинный синий язык и сверкающие как бриллианты голубоватые зубы.

Я вежливо отклонял его предложения, а Кришна качал головой и горестно причитал. Несколько раз приводил ко мне в каюту юных красавиц из «Золотых качелей», и жестами предлагал мне с ними спариться, но я их тут же выпроваживал. Девицы смеялись и показывали мне куриные попки и грудки, а мне было не до смеха. Позже герцог сознался мне, что специально проинструктировал Кришну о том, как он должен был склонить меня к сексу. И даже дал ему несколько нэцкэ из своей коллекции. Для «возбуждения расстроенного горестными событиями гостя».

– Я хотел сделать вам необычный подарок, Генри. Сюрприз. Кришна – не простой слуга, а известный в высшем свете гуру, маг и волшебник наслаждений, – шептал герцог и подмигивал мне своими бесцветными веками.

– Я был уверен, что после всего того, что произошло между вами и этой дерзкой девчонкой Агнессой, вы не захотите больше иметь дело с капризными и непостоянными женщинами, а предпочтете умеренные мужские отношения. Кришна мог открыть для вас новую вселенную счастья, а вы только ныли да блевали, князь. Я оставил это замечание без ответа. Сюрпризы и розыгрыши герцога, а также его бесчеловечные эксперименты по изменению сексуальной ориентации его подданных были хорошо известны. Некоторые из них закончились плачевно. Были и самоубийства. Но герцогу это было все равно. Сам он уже давным давно не хотел иметь дело со слабым полом, и приглашал в свою «вселенную счастья» молодых офицеров из гвардии его величества. Впрочем, если таковых при дворе или в окрестностях не находилось, довольствовался конюхами или слугами. Герцогиня была прекрасно об этом осведомлена. Она в свою очередь терпеть не могла брутальных мачо и принимала в своих интимных апартаментах исключительно томных эмбрас с глазами газели. Одной из них была спиритка Лидия Клах. Похоже и Агнесса не избежала этой напасти.

...

Плыли мы из Ниццы в Венецию. С заходом в Неаполь и Мессину. Из-за моего кинетоза я так и не увидел ни дымящегося Везувия, ни Золотой мадонны в порту Мессины. Неохота была тащиться к иллюминатору и глазеть.

Я лежал на животе, обняв подушку, и старался заснуть, что мне редко удавалось. Уши я, когда надоедала арабская музыка, затыкал ватой. Из бассейна целый день и пол ночи доносился визг резвящихся девушек и хриплые крики задорных стариков, наглотававшихся пилюль из приготовленной доктором Фердинандом специально для этого путешествия коллекции афродизиак. Большой ящик с синими, розовыми, желтыми и коричневыми пилюлями стоял в ресторане. Подходи, бери. Рядом с ним был другой ящик, тоже полный – маленькими прозрачными пакетиками с белым порошком. Доктор Шнабель в приветственной речи советовал нам не вдыхать этот порошок более десяти раз в день и не совмещать его прием с употреблением алкоголя, грозил инфарктом. Но начальники плевали на его предупреждения, нюхали порошок и пьянствовали днями и ночами напролет. И никто из них не только не умер, но даже ни разу не обратился к доктору Шнабелю за помощью.

...

В Ионическом море нас крепко потрепал первый осенний шторм. Моя морская болезнь усилилась. Я запаниковал. Попросил Кришну привести ко мне капитана. Тот явился ко мне в виде Нептуна. Полуголый, с искусственной львиной гривой и бородой, в руках – настоящий трезубец. Боже, он что, хочет меня заколоть?

Капитан объяснил, что команда и слуги готовят для гостей представление на мифологические сюжеты. Он пришел ко мне прямо с репетиции.

Икая и борясь с приступом рвоты, постарался как мог правдиво описать ему свое состояние. Капитан нехотя выслушал меня.

Затем заявил: Ладно, высажу вас в Отранто. Но предупреждаю, у вас там возможно будут... неприятности. Политическое положение в Европе за время нашего путешествия изменилось. Происходят странные, необъяснимые события. Кое-где уже воцарился хаос. По радио к нам со всех сторон поступают непонятные сигналы. Как будто все взбесились. Интернет не работает, возможно, это чьи-то идиотские шутки. Русских или китайцев. Мне очень не хочется отпускать вас на берег, я лично поручился перед герцогом за то, что доставлю вас домой живым и здоровым. Но если вы настаиваете...

Я настаивал.

Предупреждение капитана пропустил мимо ушей. Мне было не до непонятных сигналов, я сам был непонятным сигналом неизвестно кого неизвестно кому, я ужасно боялся подохнуть от рвоты на борту яхты.

Капитан попросил радиста связаться с Морским управлением Апулии. Не сразу, но это ему удалось. Яхта изменила курс и через полчаса стала на якорь в миле от городка Отранто.

Кришна собрал мои чемоданы и отвез меня на шлюпке с двумя гребцами в живописный порт, где швартовались сотни небольших парусных яхт, лодочек и катеров. По дороге меня два раза вырвало. Кришна бормотал что-то про себя и укоризненно качал головой. На прощание подарил мне две фигурки нэцкэ.

...

Встретивший меня на молу усатый портовый чиновник посмотрел мне в глаза, пожалуй, излишне пристально, но сочувственно, забрал у меня паспорт, а на багаж даже не взглянул. Помог добраться до такси. Попросил зайти завтра к нему и забрать паспорт. Оставил визитку.

Морское управление Отранто. Эрнесто Фосколо. Комната 39.

Таксист высадил меня через две минуты у небольшого отеля на берегу моря.

Мирамар.

Говорить с администратором отеля я не смог, только показал пальцем вверх и сложил ладони у виска. Тот понимающе кивнул, и сам проводил меня в номер. Я выпил банку холодной фанты, разделся, и заполз под одеяло на широкой скрипучей кровати.

Ночью мне снилась Агнесса и треклятый замок Вьери. Замок пылал. А я стоял рядом с висящим на длинной толстой веревке посиневшим Теодором и качал его как маятник. Его длинный лиловый язык тоже качался, а страшные выпученные глаза смотрели на меня. Откуда-то сверху меня слепил зеркалом Архимед.

Проснулся за несколько мгновений до того, как меня вырвало оранжевой пеной.
Фанта! Не надо было пить эту отраву. Еле успел добежать до туалета.
Прополоскал горло, почистил зубы и лег спать.
Вторую половину ночи проспал без сновидений и проснулся бодрым и здоровым.

...

Спустился в лобби. Попытался заплатить за две ночи. Администратор хотел было принять деньги, но всполошился и испугался, когда узнал, что у меня нет паспорта. Я объяснил ему, где сейчас мой паспорт, показал визитку Фосколо. Администратор прочитал только слова «Морское управление» и почему-то побледнел. Предложил мне заплатить перед отъездом.

В просторной светлой комнате с несколькими столиками я обнаружил то, что англичане с презрением называют «континентальным завтраком». Три или четыре вида сдобных булочек, сливочное масло в пестрых упаковках, несколько ломтиков колбасы и ветчины, кусочки не очень свежего сыра, вареные яйца, йогурт, мюсли с изюмом, блюдо с вчерашними жареными баклажанами, от которых пахло чесноком, тарелочка с клубникой и еще одна – с зеленью.

Съел четверть того, что возможно предназначалось для двух десятков посетителей отеля. Заметил, как округлились глазки миловидной официантки в кокетливом кружевном фартучке, которая наблюдала за мной из-за стойки игрушечного бара. Сунул ей в карман две купюры по двадцать франков и – довольный и сытый – поднялся к себе в номер. На лестнице повстречал миловидную женщину лет тридцати пяти, спускавшуюся с сыном-подростком, подвижным мулатом с крапеными в желтый цвет волосами. Мы встретились глазами и она улыбнулась мне. Ее улыбка напомнила мне улыбку Агнессы, сердце сжалось и заняло. Решил с ней познакомиться. Но через десять минут забыл об этом.

Надел мягкие спортивные туфли на толстых подошвах, белые узкие брюки и любимую тенниску от Тома Тэйлора. Причесался и отправился в Морское управление Отранто.

Как же приятно шагать по земле, которая не качается и не падает в бездну!

На пляже девушки тарантеллу танцуют, а юноши играют на мандолинах.

Туристы жуют пиццу с картофелем и оливками и пьют Фиано.

Веселый клоун раздает детям воздушные шарик.

Парусные яхты плавают по изумительно чистой воде, похожей на голубое стекло.

...

Морское управление находилось напротив могучего Арагонского замка. В трехэтажном здании, похожем на тюрьму.

Нашел комнату 39. Постучал.

Синьор Фосколо встретил меня дружелюбно. Всплеснул руками, покачал головой. Что-то было однако в его жестикуляции... настораживающее. Его движения не были плавными. Волнение или какой-то неизлечимый недуг заставляли его еле заметно дергаться.

Черные усы синьора Фосколо посверкивали, как лакированные. Старомодный костюм был явно тесноват. К лацкану пиджака у него был привинчен маленький трехцветный значок с каким-то веником и топором.

На ногах – остроносые туфли пятидесятого размера. Туфли так не подходили к костюму, что даже пугали.

Наверное, ему ужасно хотелось скинуть одежду и обувь, пойти на пляж, сплясать с молодыми красавицами тарантеллу, полакомиться черными мидиями, выпить вина... Чиновник попросил меня минутку подождать в комнате для посетителей, в которой уже ждали несколько человек. По виду – туристы, путешествующие вдоль берегов южной Италии на небольших яхтах. В разноцветных рубашках и шортах. Они тоже жестикулировали, спорили кажется о том, в каком из городков Апулии готовят самые вкусные тефтели «польпеттоне». Впрочем, я понимаю только каждое шестое итальянское слово, возможно они размышляли о смысле жизни или о роли Ватикана в современном обществе.

Минутка, как это водится во всех казенных домах земного шара, затянулась на четверть часа. Наконец синьор Фосколо пригласил меня к себе в кабинет, усадил в кресло. Сам он сидел за большим письменным столом. В руках у него был мой паспорт. Он смотрел на него, без преувеличения, как орел с высоты смотрит на тушканчика.

– Вы из тех самых Эстерхази?

– Из тех.

– Вы граф?

– Нет, князь.

– Большая честь для меня, беседовать с вами, ваше сиятельство.

– Для вас – Генри. Я простой гражданин, а не наследник королевства. Я даже не уверен, имею ли полное право называть себя князем. Мы принадлежим к венгерской линии рода, а там все титулы давно отменены. Моего рано осиротевшего отца привезли во Францию из Австрии еще ребенком. Прежде чем он смог сделать военную карьеру, ему пришлось поработать на почте и побегать по коридорам канцелярии.

– Не преуменьшайте вашего достоинства, князь! Даже тут, в итальянской провинции, люди знают, кто такие князья Эстерхази. Звонкое имя!

– Очень приятно, синьор Фосколо.

– И мне, и мне, князь. Называйте меня просто Эрнесто. Я привык, так зовет меня моя красавица жена.

– Простите, Эрнесто, разрешите спросить, все ли у меня в порядке? Я имею в виду – с паспортом. Можно ли мне идти? Я хотел сегодня побродить по вашему прославленному замку. Там, говорят, даже привидения есть.

– Привидения? Возможно. Турки убили тут столько людей. Зверски убили.

Распинали, сажали на кол. Женщин и девушек насиловали и закалывали. И мальчиков, это они особенно любят. Кстати, знаете, что тут, в замке, сохранились подвалы и подземные ходы, прорытые еще римлянами? Сохранились и камеры для особо опасных преступников, ниже уровня моря, сырые, жуткие. Высотой только в метр. Узники лежали в таком каменном мешке месяцами. Говорят, многие уже через неделю сходили с ума и начинали биться головой о стены. Потом истекали кровью и умирали. И никто не слышал их криков. Да, кстати, прямо отсюда, из управления, можно по подземному ходу перейти в подземелья замка. Хотите, пройдемся, я

покажу вам камеры. В некоторых до сих пор валяются не похороненные останки узников. Могу даже запереть вас там, на несколько минут, для пробы. Чтобы было, что рассказать потомкам.

– Нет уж, увольте. Потомки мои обойдутся без таких рассказов. Да-с, все это очень интересно, синьор Фосколо, но вы не ответили на мой вопрос. Можно ли мне идти?

– Погодите, погодите, не каждый день мне случается поговорить с настоящим князем. Пусть и отпрыском венгерской линии. К тому же, надо уточнить кое что. Мелочи, мелочи, не морщьте лоб, только мелочи и формальности. Видите ли, согласно новой инструкции, полученной мной вчера вечером, я должен расспросить вас о цели вашего посещения Италии. Подробно расспросить, кхе-кхе. Не хотите ли кофе? Сигарету? Расслабьтесь, прошу вас, это не займет много времени. Чувствуйте себя как дома.

– Спасибо за приглашение. Боюсь, что мне придется вас разочаровать.

Единственной целью моего пребывания в Италии является туризм. Яхта наша плыла в Венецию. Там я хотел покататься на гондоле, зайти в музеи и дворцы, а потом самолетом или поездом вернуться на юг Франции, домой. Меня высадили тут по моей просьбе из-за мучающей меня морской болезни. Я намеревался погулять по вашему чудесному городу, попробовать струффоли, поесть мороженого, которое у нас делать не умеют, зайти в собор, посмотреть на мозаику и мощи мучеников, переночевать, а завтра уехать на поезде в Рим.

– Как трогательно, князь! Поесть мороженого и мощи мучеников посмотреть. Музеи, дворцы... Какой же вы однако душка, князь. Пташка небесная. Турист, который прибывает в Италию как раз тогда, когда ваш министр иностранных дел, Бонапарт, вылитый Бонапарт, только треуголку не носит, поставил нашей стране этот унижительный ультиматум, а английский флот – на всякий случай – заблокировал Гибралтар и Суэцкий канал. А миролюбивые турки заперли Босфор.

– Я ничего не знаю об этом, я пролежал последние восемь дней на кровати в своей каюте. То, что вы рассказываете, похоже на бред, синьор Фосколо!

– Бред? Отнюдь не бред, вы, что, сегодня даже телевизор не смотрели?

– Нет. Я позавтракал и сюда пошел.

– У нас, для вашего сведения, уже провели мобилизацию. Кое где уже стреляют. Льется кровь. Не голубая, красная. Да вы в окошечко-то взгляните, прошу вас, только не в это, а в другое, откуда море видно.

...

Чиновник, дергаясь и трясясь, подошел к небольшому круглому окну, резко отдернул занавеску и открыл его как иллюминатор.

Мне показалось, что я нахожусь не в Морском управлении Отранто, а все еще в своей каюте, на «Сиракузах». Что рядом со мной стоит не чиновник Фосколо, а голый капитан с громадной бородой и трезубцем, и что он меня этим трезубцем покалывает в спину и шипит: Смотри, смотри, канарейка, что ты наделала! Открой глазки!

И я смотрю и вижу – военные корабли. Много кораблей, идет бой, невыносимо громко хлопают орудия, с шипением и ревом взлетают с авианосца увешанные тяжелыми бомбами самолеты-штурмовики. Кого они будут бомбить?

- А теперь посмотри сюда, – приказывает капитан громовым голосом и поворачивает мне голову своей мраморной лапой.
- Я вижу разгромленный город. Отранто? Нет, это мой город. Или Париж. Я вижу бегущих в панике людей, горящие дома, руины, вижу мародеров, грабящих магазины. Слышу визг, стоны, вой, мольбы о помощи. Вижу мертвых.
- ...
- Значит, не хотите кофе? Может быть, капучино? Хотите капучино?
- Нет, спасибо.
- Хм, значит ваш папа работал на почте, бегал по канцеляриям, а потом сделал военную карьеру. Это как же?
- Я никогда его об этом не спрашивал. Я родился, когда он уже вышел в отставку. Не понимаю, какое отношение карьера моего отца имеет к моему пребыванию в Италии.
- Тааак, не понимаете, значит. Яблоко от яблони... А что ваш папа делал во время немецкой оккупации Франции?
- Не знаю. Служил, наверное.
- Кому служил? Маршалу Петену, государственному изменнику?
- Папа провел всю войну в колониях. Кажется, на островах, в Полинезии. И не торопился в Европу. Сразу после войны он был представлен Де Голлю и прослужил еще несколько лет. Он никогда не был боевым генералом, он отвечал за снабжение войск всем необходимым. Кстати, генералом его сделали за день до отставки. Только для почета.
- Всем необходимым снабжал армию? Хлеб и мясо покупал?
- На голодный желудок воевать трудно.
- А вы уверены в том, что ваш родитель родом из Австрии? Может быть, все-таки из Германии? К чему лукавить?
- Возможно. Только, при всем уважении, скажите мне пожалуйста, какое это все отношение имеет к моему пребыванию в Италии?
- Значит, вы не отрицаете, что ваш отец родом из Германии?
- Вердаммт! Какого черта вы меня об этом спрашиваете?
- А знаете ли вы, князь, что не все Эстерхази были сановниками и фельдмаршалами, встречались среди них и провокаторы и даже шпионы?
- Знаю, черт вас возьми! Знаю, только одного, Фердинанда. Знаю еще, что существует торт Эстерхази, ну и что?
- А то, что вы не турист и не душка, а агент вражеской державы. И мой долг добиться от вас правдивых показаний и изолировать вас, как потенциальную угрозу. Может быть, все-таки выпьете капучино?
- К дьяволу ваше капучино!
- Выпьете капучино, выкурите сигарету, подумаете, поразмышляете и расскажете мне, на сей раз чистосердечно, зачем вы прибыли в Отранто. Это последние вежливые слова, которые вы тут слышите, клянусь девой Марией!
- Я все уже вам рассказал. Ни слова больше не скажу! Позвольте позвонить во французское консульство в Риме.

– Ни слова не скажешь? Ты у меня сейчас не то что заговоришь, а споешь и спляшешь! Эй, карабинеры, ко мне!

...

В кабинет вбежали два солдата в смешной синей форме. Они связали мне руки мохнатой веревкой. Продели ее через блок в потолке (почему я не заметил его раньше?), натянули веревку и приподняли меня на воздух. И я повис на связанных руках. Другой конец веревки солдаты привязали к стальному кольцу в полу. После этого вышли из комнаты.

Чиновник закрыл окна кабинета шторами, включил две настольные лампы и направил их режущий глаза свет мне в лицо. Затем достал из ящика письменного стола пластиковый кнут и изо всех сил хлестнул им меня по спине. Потом еще раз, по животу. По бедрам. По ягодицам. По лицу.

У меня от боли начались спазмы в животе и горле.

– Ну что, будешь говорить, канарейка? Или предпочитаешь почирикать?

Обезумевший от злобы чиновник с хрустом разодрал мой паспорт, бросил его на пол и прорычал: Он тебе больше не понадобится!

Как долго этот мясник бил меня, я не знаю. Тенниска моя и брюки промокли от крови, на руках лопнула кожа. Терпеть боль не было сил.

По комнате 39 шныряли тени. Турки, норманны... Люди с рыбьими лицами.

Я узнал доктора Шнабеля и капитана с трезубцем. Пьяные магнаты жадно наблюдали за экзекуцией. Четырнадцать голых проституток танцевали чарльстон. Слуги в набедренных повязках предавались свальному греху. Восемьсот отрантских мучеников беззвучно парили в небесах и посылали мне оттуда воздушные поцелуи. Рядом со мной стоял Кришна и улыбался своей бриллиантовой улыбкой. Качал головой в шапочке как фарфоровый китайский болванчик.

...

Когда солдаты снимали меня с веревки, я расслышал, как один из них сказал:

Смотрите, у него штаны мокрые.

Меня поволокли куда-то. Вначале тащили вниз по лестнице, потом – по плохо освещенному подземному ходу.

В голове промелькнуло: Они тащат меня в казематы Арагонского замка.

Меня впихнули в каменный мешок и с грохотом закрыли за мной квадратную железную дверь.

Страшная волна тошноты прошла по моему телу. Я выbleвал весь мой завтрак и потерял сознание.

*****

Очнулся я у себя в отеле, на кровати.

Посмотрелся в зеркало – следов хлыста на лице не обнаружил. На руках, животе, бедрах – никаких ссадин или ран.

На письменном столе лежал мой паспорт. Целый и невредимый. Рядом с ним валялась маленькая, с треть странички, бумажка – справка с печатью Морского управления Отранто, подписанная ответственным за въезд в Отранто на плавающих

средствах иностранных граждан, синьором Эрнесто Фосколо. Справка была дана в том, что я легально въехал в Италию и имею право находиться на ее территории до трех месяцев как турист. Но не имею права без особого разрешения полиции учиться, работать или заниматься бизнесом.

Вышел на балкон. Море сияло, теплый воздух пах йодом, на пляже девушки танцевали тарантеллу, клоун раздавал детям воздушные шарики.

Включил телевизор. По одному каналу показывали передачу о здоровом образе жизни – «для тех, кому за семьдесят», по другому – о «флоре и фауне Австралии», по третьему – передавали репортаж о показе мод в Милане. Нашел новостной канал. Дикторы говорили так быстро, что не понял ничего, но, судя по картинкам и их улыбкам – ничего страшного в мире не происходило.

То жуткое, что случилось со мной вчера, припоминалось смутно.

Я помнил, что чиновник Морского управления долго мучил меня своей бессмысленной болтовней, а потом меня повесили за руки и долго били хлыстом. Затем меня вроде бы тащили по подземному ходу и заперли в пустой низкой камере, в которой я даже не мог сесть. Как я оттуда выбрался, я не помнил.

Все это происшествие было похоже на кино, которое я смотрел вчера. Вроде бы и страшно и больно, но ведь это только кино.

Еще раз внимательно осмотрел себя – ни царапины.

...

Принял душ, спустился в лобби, показал администратору паспорт (о, как же он обрадовался, даже запел популярную арию) и заплатил за три ночевки. Не хотелось уезжать из Отранто, не взглянув на знаменитую напольную мозаику в соборе. За завтраком познакомился с той женщиной и ее сыном с желтыми волосами. Ее, оказывается, звали Матильда, а ее сына – Фредерик, хотя она почему-то звала его Коки. Были они туристами из Австрии, приехавшими в Италию на недельку, «просто так, проветриться».

Говорил я с ними на моем плохом немецком.

Как-то удивительно скоро и Матильда и я ощутили взаимную симпатию, перешли на «ты» и решили вместе осмотреть собор Санта-Мария-Аннунциата.

Бедный Коки, когда узнал, что придется тащиться в церковь и провести там несколько часов, скорчил такую недовольную мину, что мать разрешила ему поиграть в электронные игры в игротке для подростков недалеко от отеля, выпить кока-колы и съесть две порции его любимого фисташкового мороженого.

– Если тебе осточертеет играть в эти идиотские игры, то возвращайся в отель и жди меня там. Можешь посидеть на балконе в пезлонге и почитать Хемингуэя. Книжка – у меня в чемодане. Как раз для твоего возраста чтение. И английский у Хема простой. Прочитай «Снега Килиманджаро», а когда я приду, ты расскажешь мне сюжет. Иначе больше денег на мороженое не получишь!

...

По дороге в церковь мы беззаботно болтали. Глазели на сувениры в витринах многочисленных магазинчиков. Злословили. Нюхали заманчивые ароматы итальянской кухни.

Матильда рассказала мне о недавно пережитом кошмаре – разводе со вторым мужем. Коки был сыном первого мужа Матильды, студента из Конго, бросившего ее еще тогда, когда она лежала в больнице после тяжелых родов.

– Второй мой муж был белый, австриец. Респектабельный, добрый, с Коки у него все вроде бы ладилось. Поначалу он казался мне идеальным человеком. А потом... когда я ездила на похороны матери, а Коки оставила дома... Мне не хотелось, чтобы мой чернокожий сынок участвовал в похоронах, смотрел на мертвую бабушку, которая никогда не интересовалась его жизнью, а со мной прекратила все отношения, когда узнала, что я вышла замуж за негра. Да, потом, Коки рассказал мне, что муж приставал к нему, трогал его и шептал – не бойся, мама ничего не узнает.

– Из-за этого вы развелись?

– Ну да. На суде мой муж неожиданно заявил, что Коки все выдумал. Я не знала, кому верить, не хотела тащить тринадцатилетнего мальчика в суд. У него как назло была ангина. Адвокат мужа умудрился доказать, что я намеренно не позволила судьбе встретиться с ребенком, потому что знаю и скрываю правду. Короче, суд развел нас и обязал мужа платить мне смехотворную сумму в месяц. Пришлось выехать из коттеджа, который мы купили за девять лет до этого в кредит. Кредит конечно отдавал муж, но я убиралась и готовила, работала в саду, занималась с сыном, даже сама отремонтировала комнаты и веранду. Все пропало. Как всегда. Вкладываешь во что-то все силы, трудишься, надеешься воспользоваться позже плодами трудов, а потом все теряешь, и надо начинать с начала. А сил уже нет. Мы сняли квартиру на окраине Вены, в доме, где жили одни бедные иностранцы. Ничего, они тоже люди. Потом я нашла работу. Мы переехали в другой район, мне даже удалось устроить Коки в частную школу. Сейчас ему четырнадцать, после учебы он тренируется в школьном спортзале, играет в волейбол, а потом школьный автобус привозит его домой. А ты, что, женат?

– Нет, так и не пришлось связать себя узами брака. Я лентяй, сибарит, эгоист, мизантроп. После Оксфорда несколько лет проболел. Простудил почки. На работу так и не устроился. У меня есть небольшое состояние, позволяющее мне жить независимо, мой отец... ах, это все так скучно.

– Нет, расскажи. Расскажи, как живут богатые.

– Если ты видела фильм «Скромное обаяние буржуазии», то знаешь, как. Я, правда, наркотиками не торгую, да и с обедом у меня еще ни разу проблем не было, но...

– Что но? Мне что, тебя бояться надо?

– Нет, что ты. Я мирный человек, обыватель. Правда не так давно попал в дикую историю.

– Расскажи, прошу.

– Я был помолвлен с одной девушкой. А она исчезла при загадочных обстоятельствах. Два года назад.

– Просто так исчезла?

– Не совсем. Понимаешь, ее маму, папу, двух братьев и всех их слуг жестоко убили. Оторвали им головы. А невеста моя исчезла, ее среди мертвых не было. Ее искали, но безрезультатно. Я надеюсь, она живет где-нибудь на острове, загорает, ест жареных омаров и танцует танго.

– Оторвали головы? Боже мой, какой ужас! Погоди, я читала об этом! Как же ее звали? Агния... Амели... фон...

– Ее звали Агнесса фон Цароги.

– Господи, то-то я думала, что тебя уже где-то видела. Это был снимок в газете. Погоди, тебя зовут...

– Князь Генри Эстерхази, к твоим услугам!

– Правда князь? Мне что же, звать тебя ваше превосходительство?

– Не придуривайся, пожалуйста. Да, князь. Но гордиться тут нечем. Я ничего в жизни сам не добился, ничего не сделал. Живу как кактус в пустыне. Позавчера еще на яхте плыл. На «Сиракузах». Но пришлось на берег высадиться. Из-за морской болезни. Увидел тебя, ты улыбнулась чудесно, меня потянуло к тебе. И намеренья мои по отношению к тебе – самые несерьезные, какие только можно иметь. Вот как живет буржуазия.

– Поверь мне, все мужчины и женщины, которых я знала, хоть и любят детей и родителей, иногда даже любят свою работу, но при первой же возможности сменили бы свою жизнь на твою.

– Это печально. У меня даже автомобиля нет, есть только велосипед. Нет слуг. Нет ни золота, ни драгоценностей. А когда меня родители к себе приглашают, приходится есть вареную рыбу. С белым соусом. А я терпеть его не могу. И еще у меня есть кузен Ипполит, шовинист, расист и плейбой. Слава Богу, он сейчас воюет в Камбодже, а то бы он отбил тебя у меня. А моя невеста изменила мне с сыном колбасного фабриканта в нашем Аквариуме.

– В Аквариуме? Ха-ха-ха, а ты веселый!

– Посмотрела бы ты на меня три дня назад. Рассказал Матильде про яхту. Про гостей герцога, про капитана-Нептуна, про доктора Шнабеля, про Кришну с его нэцкэ. Хотел рассказать и про посещение Морского управления, но вовремя передумал. Матильда хохотала, не поверила, конечно.

– Я давно так не смеялась, как эти полтора часа, проведенные с тобой. Мне даже страшно. Я чувствую себя с тобой так легко, как будто ты мой старый друг или любовник. Нет, ни со старым другом, ни с любовником не бывает так легко и приятно, как с тобой. Почему, ответь! Мне даже жутко.

– Как мне говорила одна истово верующая монашка, спроси у того, кто все это... тут она показывала на чудесные виды, открывающиеся из окна монастыря... придумал.

– Вы, князь, заговорили загадками, как говорил судья вору, который на вопрос, что же вы сделали с изумрудным колье после того, как удрали из города, потушился и ответил – эту тайну никому не дано разгадать.

– Ловко!

– Научилась у тебя.

...

Болтая, подошли к фасаду собора Санта-Мария-Аннунциата. Матильда положила свои сухие смуглые ладони на теплые камни. Зажмурила глаза. Я нежно обнял ее и оторвал от стены.

Вошли.

И тут же были приятно удивлены – стулья были из помещения вынесены. Как нам объяснил стоящий при входе служитель, публике сегодня разрешалось свободно ходить по собору и рассматривать мозаику. Служитель вручил мне информационный листок и попросил показать ему подошвы нашей обуви. Остался этим осмотром доволен.

Я прошептал Матильде на ухо: Перед нами – растянувшееся на всю длину ротонды – Дерево Жизни. Покоящееся на слоне и слонихе. Это так бы искусствоведы сказали – «покоящееся». На самом деле пресвитер Панталеон, который сделал эту мозаику, не владел мастерством художника, поэтому огромный ствол Дерева не покоится на этих смешных слонах, он ни на чем не покоится. Просто снизу Дерева Панталеон положил как будто вырезанные из бумаги неумелым ребенком силуэты двух слоников. Тоже можно сказать про все многочисленные фигуры на этой мозаике. Удивительно неловкие изображения. Но именно это и делает этот bestiарий интересным и оригинальным. Панталеон был взрослым ребенком, верил во всю средневековую чушь. И в кентавров, и в Вавилонскую башню, и в Ноя, и в Александра Македонского, посмотри, вот он, тут. Александр. В ужасно смешных штанах. И с крошечными ножками. Летит в небеса. Держит в руках куски мяса, а глухие грифоны, хотя и все понимают, несут его все выше и выше.

– А это что такое?

– Это, как ты видишь, чудовище с четырьмя львиными телами, у которых на всех только одна голова. Но зато голова эта человеческая и с усами. Нижний лев из этого квартета стоит на гадкой рептилии, которая глотает другую рептилию, еще гаже.

– Ну и что это все символизирует?

– Силу и правоту святой католической церкви. Так тут написано. Я показал Матильде информационный листок.

– Может, четыре льва – это четыре Евангелия?

– Вряд ли. Традиционно, лев атрибут одного Марка. Скорее неправильно понятый монахом Тетраморф из видения Иезекииля. Изначальная четверичная структура, основа бытия. Четыре стороны света, четыре времени года...

– Понимаю. Боже мой, а что это за стройка?

– Это Вавилонскую Башню строят доисторические рабочие.

– А кто это с лодки падает головой вниз?

– Невежа, это Иона.

– А почему у кентавров две или, смотри, три головы?

– Скажи спасибо, что не четыре. Должно быть, это символы политеизма.

– Принято. А это что за мужик с бородой, на коленях?

– Ной. Видишь, строители с пилой. А тут – животные.

– А где ковчег?

– А вот этот ковер с дыркой – и есть ковчег. А этой Ной с голубком.

– Чудеса. А тут, посмотри, кит, а на нем две голые фигурки. Мужчина и женщина.

Кто это?

– Это ты и я. Хочешь обнять ногами кита?

– Нет, я лучше обниму ногами тебя.

...

Через час мы покинули собор и, не торопясь, пошли назад в отель. Опять шалили и валяли дурака. Матильда несколько раз украдкой поцеловала меня, а я очень деликатно потрогал ее грудь. Она не возражала.

Договорились встретиться вечером у меня в номере, как только Коки захрапит, распить бутылку Тормареско и посмотреть с балкона на Луну и мерцающее море. По дороге зашли в игротеку, но Коки там не нашли. Спросили у нескольких пареньков и у хозяина заведения, не видели ли они шоколадного мальчика-блондина. Видели, но он давно ушел. Как давно? Не помнят.

Матильда занервничала.

Вошли в Мирамар, быстро поднялись на третий этаж.

Матильда юркнула в номер, а я остался в коридоре. Через полминуты Матильда вышла и прошептала: Его нет ни в номере, ни на балконе.

Я обнял ее и сказал: Не переживай, он наверное фисташковое мороженое лопает в соседней забегаловке.

Зашли в кафе напротив. Потом еще в одно. И еще. Матильда показывала посетителям фотографию Коки в своем портмоне. Никто его не видел.

Пошли по барам и ресторанам. Через полтора час выбились из сил, вернулись в отель, рассказали все администратору. Он посоветовал обратиться в полицию. Я спросил его, где в Отранто полиция.

– Да вы же вчера там сами были!

– Я был в Морском управлении.

– Полиция в том же здании, только вход с другой стороны. Если смотреть от замка, справа.

Побежали туда. По дороге молчали.

Вот и вывеска «Городская полиция Отранто».

Обратились к дежурной за барьером, Матильда показала ей фотографию Коки. Та почему-то презрительно и злорадно посмотрела на меня и направила нас... в комнату 39.

Меня как будто ударили тупым предметом по затылку. Страшно захотелось почирикать.

Пока мы шли по коридорам и поднималась по лестнице меня терзало дурное предчувствие. Я не хотел больше видеть синьора Фосколо.

...

Как только мы вошли в комнату, к нам подскочили солдаты.

Они связали нас и посадили на тяжелые, привинченные к полу стулья.

Встать мы не могли. Не могли позвать на помощь – в рот нам вставили кляп, а губы заклеили клейкой лентой. Мы могли только мычать.

Синьор Фосколо, на сей раз голый до пояса (на груди его синела татуировка – крылатый череп, ощеривший неправильные зубы), сидел за письменным столом и читал какую-то бумагу. Выдержав солидную паузу, он громко поприветствовал нас: Добро пожаловать в ад! Вы даже не представляете, как я рад вашему приходу. Очень, очень рад!

Бедный Коки тоже находился в комнате 39.

Он висел голый на той же веревке, что и я. В лицо ему светили те же две настольные лампы. Фосколо встал из-за стола, подошел к висящему и начал хлестать его пластиковым хлыстом.

Коки стонал и громко умолял пощадить его.

Порка продолжалась четверть часа. Кровь струилась по красивому телу мальчика. Фосколо громко рычал и трясся от возбуждения.

У Матильды лились из глаз слезы.

Я ужасно страдал из-за того, что ничем не мог помочь ей и несчастному ребенку.

Неожиданно все изменилось.

Я не поверил своим глазам.

...

Синьор Фосколо перестал пороть мальчика.

Солдаты осторожно опустили его на пол и развязали. Тот встал и, как ни в чем не бывало, вытер тело вначале влажным, а потом и сухим полотенцем и оделся в ту же одежду, в которой я видел его за завтраком. Похоже, он никак не пострадал от порки. После этого маленький волчонок злобно посмотрел на меня и сел на стул рядом с письменным столом. Фосколо подошел к нему, погладил его по голове и сказал: Умница. Люблю тебя. Надеюсь, вишневым сок не вызовет аллергической сыпи на твоей нежной детской коже.

Коки ответила: И я люблю тебя, папа. Мне так приятно помогать тебе разоблачать врагов народа Италии.

И он опять злобно и многозначительно посмотрел на меня.

Похоже, вся эта сцена была гнусной инсценировкой.

Затем солдаты освободили от пут Матильду. Та встала и подбежала к Фосколо, обняла его и страстно поцеловала. Затем презрительно взглянула на меня и спросила, кривя губы: Ты что же, действительно поверил, что мне понравились твои нелепые шутки, поверил, что я с тобой лягу в постель, лягушатник?

– Милый, – обратилась она к чиновнику, – этот придурок решил, что мне с ним хорошо... Поцелуй меня покрепче, дорогой мой муж, я хочу, чтобы эта размазня, этот дутый князишка увидел, как меня любит настоящий мужчина. И ты, сынок, подойди к маме и тоже целуй меня.

Фосколо нежно обнял ее, расстегнул ей блузку, вынул ее увесистые груди и жадно поцеловал ее в левый сосок. А ее мерзкий сын – в правый.

Последующую сцену совокупления трех человек я описывать не буду. Продолжалась она около часа и сопровождалась пылкими стенаниями Матильды, глухим рычанием Фосколо и искусственными стонами гадкого Коки.

Любовная сцена прекратилась – как по команде. Участники ее деловито привели себя в порядок, пошептались о чем-то и вместе с солдатами покинули комнату.

Перед уходом погасили свет.

...

До меня наконец дошло, что синьор Фосколо – вовсе не чиновник Морского управления Отранто и не муж Матильды, а Коки – не их сын.

Мало того, похоже Матильда и не видела Фосколо до сегодняшнего вечера, даже не знакома с ним. И вся комедия была сыграна тремя этими актерами только для того, чтобы побольнее уязвить и унижить меня.

Зачем им это надо?

Неужели все это – изощренная шутка герцога? Как же он все это устроил?

Купленная массовка? Психоделические средства? Гипноз? Голограммы?

Что из того, что произошло со мной в последние десять дней, реально, а что – иллюзия? Или иллюзия – вся моя жизнь?

...

Целый час я возился с веревками и, наконец, пыхтя, посасывая сломанный ноготь и проклиная весь мир, смог освободиться. Спустился на первый этаж и тут же заметил, что не только дежурная исчезла, но исчез и барьер, за которым она сидела. На фасаде здания не было вывески «Городская полиция Отранто». Здание было пустым и заброшенным.

Побрел в отель. По дороге заметил, что все кафе, рестораны и лавочки сувениров были закрыты. Некоторые – даже заколочены досками.

Пляж было не узнать – мелкая галька была сплошь покрыта слоем гниющих водорослей, среди которых поблескивали лужи мазута, в которых копошились несчастные полумертвые чайки. Маленькие яхты и лодочки исчезли из порта. Место их занял огромный ржавый полузатонувший танкер.

Море не мерцало под звездами, оно напоминало лужу грязи, в которой плавают использованные пластиковые пакеты и презервативы.

С трудом нашел здание, в котором еще сегодня утром и днем располагался отель Мирамар. В окнах его не горел свет, почерневшие стены потрескались, некоторые балконы обвалились.

В лобби горела свеча. Пошел на свет.

Рядом со столиком, на котором лежал надкусанный заплесневелый бутерброд, сидел какой-то дряхлый старик в рваной одежде. Это был администратор! Только чудовищно постаревший.

Он узнал меня, кивнул, прощамкал беззубым ртом что-то вроде: Я ждал вас.

Понимая, что это безумие, спросил у администратора, не помнит ли он госпожу Матильду с сыном. Госпожа – красавица, а ее сын – мулат с желтыми волосами.

– Помню, помню... Они жили тут несколько дней лет двадцать пять или тридцать назад. Расплатились наличными.

Уехали на поезде? Уплыли на яхте? Или синьор Фосколо увез их тогда на своем подержанном рено?

Все равно.

Неожиданно администратор сказал: В вашем номере вас уже много-много лет дожидается ваш знакомый. Ваш хороший знакомый, – подчеркнул администратор и кисло улыбнулся.

– Он вам что, представился?

– О, да, да, но просил не называть вам его имя. Я не мог не пустить его.

– Спасибо.

Пошел по шаткой грязной лестнице наверх. Хотя и догадывался, кто ждет меня в номере. Перед тем, как войти в номер, зажмурил глаза.

*****

Ночь с Матильдой была нежна и сладка как консервированный персик.

Ее пахнущее фиалками тело, казалось, испускало лиловое сияние.

Слегка отвисшая грудь с отвердевшими розовыми сосками моей новой подруги разжигала меня снова и снова. Я безумствовал и гнал и гнал свое тело, как жестокий наездник гонит несчастную лошадь, вонзает шпоры в ее потные бока и хлещет нагайкой... пока она не упадет и не захлебнется пеной.

Матильда отрешенно улыбалась, и я так и не понял, разделала ли она со мной хотя бы раз высшую радость.

Часов в шесть она остановила мой бешеный бег ласковым жестом, посмотрела на меня почти скептически, усмехнулась, встала и ушла к себе, в номер с двумя кроватями, на одной из которых спал мертвым детским сном Коки. Обещала зайти полдесятого и разбудить. А потом вместе со мной позавтракать.

И выполнила обещание.

– Вставай, вставай скорее, соня! Сколько можно спать? Пора ехать в Сараево.

Я не мог разлепить глаза. Тело ломило, в голове шумело (мы выпили три бутылки вина и полбутылки сицилийской граппы), вылезать из-под одеяла ужасно не хотелось.

– Какое Сараево, что ты плетешь?

– Это была шутка, ваше сиятельство! Я уже позавтракала с Коки, теперь позавтракаю с тобой, милый.

– У меня... нет сил. Загнали лошадь.

– Ах ты мой бедненький! Ночью, впрочем, у тебя было сил много. Даже очень. У меня все внутренности болят, отвыкла от таких скачек.

Пришлось принять горячий душ, одеться и спуститься в столовую.

Солнечный свет резал глаза. Комната мерно покачивалась. Я все еще плыл на яхте «Сиракузы». Где же обетованная земля, где берег, где причал?

...

Из всего набора континентального завтрака смог съесть только кусок сыра и булочку. Зато кофе выпил три чашки. С корицей и темным сахаром.

Коки после завтрака ушел с двумя новыми друзьями и их родителями кататься на парусном катамаране. Матильда не хотела было его отпускать, но потом решила, что «мальчик засиделся, и морская прогулка будет ему очень полезна».

– Кроме того, море сегодня спокойное, ветра нет, только легкий бриз веет и волны как на Венском озере. Коки обещал не снимать спасательный жилет. Вернется к обеду, поэтому у нас с тобой есть три с половиной часа, – заявила Матильда, когда мы вышли из отеля и побрели по набережной.

Я заметил, как мерно, в такт ее шагам, колышется грудь Матильды.

– Может быть, лучше пойдём ко мне? К черту все...

Матильда вновь бросила на меня свой фирменный скептический взгляд.

– Ваша милость еще недостаточно персиков скушать изволили? Ну нет, мы будем гулять, дышать свежим воздухом, а потом осмотрим какую-нибудь достопримечательность. Придумала! Зайдем в Арагонский замок. Я так часто себе его представляла, когда в детстве читала «Замок Отранто». Интересно посмотреть, какой он на самом деле. Там, в галерее выставка вашего Бальтюса.

– Знаю я этого поляка. Мой папа хотел у него эту картину купить. Пастель. Девочка со спущенными чулочками заломила головку и куда-то там загадочно смотрит закрытыми глазами. Сиська вылезла из расстегнутой блузки. Кот, символ того и сего, молоко лакает. Так тот заломил такую цену, что папа разозлился и покупать не стал.

– А твой отец очень богат?

– Да, у него есть деньги. Только они не его, а матери.

– Откуда у нее состояние?

– Долгая и скучная история. Ничего романтического. Наследственное.

– Ладно. Тогда расскажи, откуда у тебя такие удивительные нэцкэ в номере? Я заметила – на столе. Это что же, те самые? Они наверное несколько тысяч стоят. Тонкая работа.

Пришлось подробно рассказать Матильде про герцога и его фантазии.

– Так ты что, вхож даже в такие дома?

Матильда подняла руки и закатила глаза.

– Ну да.

– Этот твой небожитель захотел из тебя голубого сделать? Или, он думает, что ты уже...

– Ничего он не думает, просто жонглирует людьми, как жонглер пластиковыми шариками. Ему все только льстят. И он наслаждается вседозволенностью. Понимаешь, таких как он не берет ничто. Ни войны, ни бедствия, ни революции. Его семья влиятельна и богата уже несколько столетий. А он, хоть и от природы транжира, умудрился не только сохранить капитал, но еще и увеличить его. Средства его хранятся на всех континентах кроме Антарктиды. Хотя, может и там есть. Под перьями у пингвинов. Недвижимость, подставные фирмы, фонды, акции, алмазы, платина. Он непотопляем. Всеми возможными человеческими и нечеловеческими грехами он наслаждался до пресыщения. Единственное, что еще греет его кровь, это деньги и манипуляции людьми. Он как конструктор строит из наших личностей и судеб – какую-то сложную штуковину, машину или игрушку, и забавляется ей.

– Все правильно. Его богатство, его и власть. Плюс высший свет, аристократия. Он вежлив с теми, кто ниже его?

– Герцог человек воспитанный. Вышколенный. Говорят, таким он стал при дворе его величества. Кто-то его там обработал. Но стоит ему задумать очередную демоническую шуточку – и он становится жестоким, грубым и непреклонным. Говорят, что когда он, в стародавние времена, увлекся вслед за Пазолини, с которым дружил, творчеством маркиза де Сада, то запылал в аффекте или просто заporол насмерть с полдюжины швейцарцев. Молодых крепких парней, которые ему служили верой и правдой. Кстати, в «120 днях Содома» он исполнил небольшую роль. В титрах его имя изменили. Ходили слухи, что он дал деньги на этот фильм

знаменитому продюсеру Гримальди, чтобы в крайнем случае не оказаться на скамье подсудимых. Гримальди, кстати, чуть не посадили.

– Славный, наверное, человек! У него что, своя швейцарская гвардия?

– Была. Потому что он всегда боялся, что его похитят и убьют, и завидовал Папе. Рассказывал, что лет пятьсот назад глава его рода должен был стать Папой, но его отравили Медичи.

– И что же, это сошло ему с рук? Швейцарцы? Мы же все-таки не в эпоху Медичи живем.

– Это как сказать. Сошло, но не совсем, родственникам пришлось по слухам дать по миллиону швейцарских франков за голову, чтобы молчали. Для герцога это не деньги. А чтобы успокоить общественность, он придумал дурацкую историю о террористах-смертниках, захвативших заложников во дворце и взорвавших себя во время попытки штурма специально привезенной ими для этого на тачке двухсоткилограммовой бомбой. Родственники швейцарцев получили вместо тел – пепел в урнах.

– А зачем он пытал мужчин?

– Ты нэцкэ видела? Для удовлетворения низменных инстинктов. Вообще-то он и женщин пытал. Несколько девушек-служанок из его челяди, не помню когда, бесследно исчезли. Но они вроде бы были сиротами, их и не искали. Пропадали и дети в окрестностях дворца. «Сало» – это не только метафора для общества и человечества, это фильм про него.

– Ужас.

– Что есть, то есть. Вот и замок. Пришли. Кошмарное сооружение. Сюда, по каменному мостику. Когда-то он был откидным.

– У меня на нем голова закружится.

– Дай руку. Закрой глаза.

– Еще чего. Боже, какой он огромный, этот замок. У меня от такой громадины произойдет задержка.

– Даже не начинай, прошу тебя! А не то отправлю тебя в Сараево.

– Быстро переняли, милорд.

– Стараюсь не отставать от жизни.

...

За вход в замок мы отдали толстой усатой служительнице четыре бумажки с изображением Маркони.

Не успели мы оглядеться, как к нам подскочили несколько дежурящих рядом с кассой чичероне, готовых – за небольшую сумму в пятьдесят тысяч лир – провести нас по замку и «показать то, что никому не показывают» и рассказать «обо всех жутких тайнах» на немецком языке. От их услуг мы отказались. На их лицах отразилось разочарование.

Мне не хотелось обижать этих бедолаг, я объяснил им на своем чудовищном итальянском, что «ценю их предложение, но я и моя рагацца хотим побыть наедине». Они понимающе закивали и повторили как эхо «соли, соли»...

Один из них, впрочем, тут же предложил мне снять у его матери на несколько часов «прекрасную комнату в лучшем районе города, с видом на море и водяной

кроватью», уверял, что «никто не будет мешать молодой паре», а если мы пожелаем, то он сейчас же отвезет нас туда на своем фиате, его брат и кузен сыграют нам на мандолинах сонату Скарлатти, а мать приготовит суп из полбы с морским ежом. – Сто тысяч лир! Дешевле почасовую комнату с великолепным сервисом вы не найдете во всей Апулии.

И от полбы с морским ежом пришлось отказаться.

Прошли во внутренний двор замка.

Пусто. А я ожидал тут увидеть гигантский шлем, раздавивший беднягу Конрада или исполинские сапоги Альфонсо Доброго. Похоже аборигены не читали упомянутый Матильдой роман Уолпола. И правильно. Скучища. Действия нет, а диалоги – куртуазная лапша.

...

Несколько туристов слоняются туда сюда.

Одинокая пушка щерится дулом.

Каменные ядра валяются кучками тут и там.

Арки, арки, проходы, коридоры, лестница на крышу.

Суровая военная архитектура. С испанским привкусом.

А потом... оказалось, что те, кого я принял за туристов – не люди, а фигуры из папье-маше в человеческий рост.

Странный мальчик в кепке. Сжал губки бантиком. Паж?

Маленькая девочка в зеленой шапочке в мячик играет. Мячик красный.

Рабочий в белой одежде тащит балку на плече.

Гувернантка в светлом фартуке несет на руках малыша в берете. У малыша – взрослое печальное лицо. Глаза закрыты.

Подросток схватил за руку девочку в оранжевой кофточке. Кажется, он хочет задрать ей юбку.

Поваренок в высокой шапке и длинном зеленом фартуке стоит столбом под вывеской.

– Ты не знаешь, что это за фигуры? Что-то в них не то, а что, я не понимаю. Каждый сам по себе, в своей вселенной. Они не видят друг друга. Они – слепые. Они есть, но их как бы и нет. Понимаешь, настоящее каждую секунду становится прошлым. Ускользает, как его сачком ни лови. Все-все-все мгновенно отправляется в небытие... поэтому мы осознаем сам феномен жизни только как то, чего нет... Это превращает нас в меланхоликов. Будущее эфемерно. Настоящее ускользает, прошлое – сухая солома.

– Дурачок, философию развел... это фигуры с одной из картин Бальтуса. Забыла, как она называется. Они – реклама для выставки. Видишь надпись и стрелку? Пойдем туда, или по замку побродим? Сдается мне, смотреть тут особенно нечего. Одни камни да ядра.

– А как же привидения в подземелье? Манфред, дон Рикардо, Изабелла?

– Начитанный! Подождут.

– Погоди, а это что такое? Таких фигур у твоего Бальтуса нет.

В одной из ложных арок внутреннего двора стояли две как бы обнимающиеся человеческие фигуры, составленные из правильных цветных геометрических форм.

Непропорционально большие головы их были похожи на перевязанные ниточками, вытянутые и заостренные яйца, тела составлены из треугольников, пирамид, конусов и цилиндров... бедра походили на вытянутые, слегка деформированные эллипсоиды.

– Ну, всезнайка, что это такое?

– Подумаешь, удивила! Это Гектор и Андромаха де Кирико. Немножко измененные. Такое представление человека мне гораздо ближе, чем недоношенный сюрреализм твоего Бальтюса. Манекены. Составленные из тривиальных форм. Вот, что мы такое. Кстати, а что они тут делают?

– Три года назад в замке была выставка де Кирико. Это то, что от нее осталось.

– Ты что, не первый раз гостишь в Отранто? С кем ты тут была?

– Ты действительно хочешь это знать?

...

Прошли в галерею, состоящую из нескольких залов. В самом большом из них был реконструирован перекресток старого Парижа. Эту сцену, также как и внутренний двор замка, украшали фигуры из папье-маше.

Старая сгорбленная женщина в шляпке. С сумочкой и тростью.

Девочка в желтой кофточке и лиловой юбке. Левая ее рука – на подбородке. Глаза закрыты.

Маленький лысый мужчина, сидит на тротуаре и хмуро глядит невидящими глазами перед собой. Его босые ножки меньше, чем у ребенка.

Нагая девушка с еще не сформировавшимися грудками смотрит в зеркало.

Мужчина в сиреневой рубашке несет домой только что купленный багет.

Маменькина дочка баюкает голенькую куколку.

И тут мгновение остановилось, жизнь прервалась, между людьми образовалась невидимая глазу пропасть. И непонятно, поедет ли поезд мира дальше. Или мы уже на конечной станции. И объединяет эти одинокие фигуры только то, что их всех видит художник, последний зритель на затянувшемся спектакле.

...

Полотна Бальтюса были развешаны на обтянутых темно-лиловой материей щитах в других залах галереи.

Подошли к картине «Спящая обнаженная».

Обнаженная девочка в золотистых носочках дремлет на кушетке у раскрытого окна.

Руки сложены на животе, бедра слегка раскрыты.

Не только нагая девочка, но и все формы и краски этого полотна, их мягкий, щекочущий сетчатку тон, приятно шершавые поверхности, даже композиция и перспектива – все излучало эротическую энергию и красоту, чистую субстанцию радости.

Матильда посмотрела на малышку, ущипнула меня и томно завздохала.

– Красота! Я сейчас кончу. Посмотри, какая сочная, плотная живопись! Не то, что твоя дурацкая мозаика с чудовищами.

– Посмотрим, что от этой красоты останется через тысячу лет.

– Ничего ты не понимаешь. Вся прелесть такой красоты в том, что она преходяща. Я говорю и о девушке и о живописи.

Невозможно было не заметить, что эта работа Бальтуса подействовала на Матильду слишком сильно. Гипнотически. Я уже два раза обошел выставку, а она все еще стояла у «Спящей обнаженной» и не могла оторвать от нее глаз.

Попробовал мягко оттащить ее от картины. Безрезультатно. Добился только того, что моя милая зло посмотрела на меня и сказала чужим голосом: Отойди, не мешай! Я был шокирован и ее взглядом и ее тоном. В тысячный раз убедился в том, что мы не знаем, не понимаем не только посторонних, но и близких нам людей. Как могут романисты писать тексты по шестьсот страниц о том, о тех, кого вовсе не знают? Шарлатаны.

...

После долгого напряженного разглядывания «Спящей обнаженной» Матильда вдруг застонала. Затем стон ее перешел в экстатическое всхлипывание.

Еще через минуту она действительно кончила, курлыкая и трясясь, и упала в обморок.

Я едва успел подхватить ее и не дать стукнуться головой о каменный пол.

Кто-то пододвинул к нам стул, и я усадил на него Матильду. Смотрительница галереи принесла стакан минеральной воды. Матильда очнулась, несколько раз глотнула, понемногу пришла в себя, покраснела и опустила глаза.

Тихо извинилась по-немецки перед смотрительницей и публикой. Ее не поняли, но некоторые любители Бальтуса подошли к ней, похлопали по плечу и жестами выразили свое сочувствие и солидарность.

Остальные полотна Матильда осматривала крепко прижавшись ко мне. Для верности я обнял ее за талию.

...

Пошли наугад по хорошо освещенному коридору, ведущему в недра замка.

Поглядели на немногие сохранившиеся фрески, прочитали памятную надпись, полюбовались гербами на стенах и красиво выложенными сводами.

Спустились по одной лестнице, по другой, повернули...

– Почему ты молчишь?

– Не хочу тебе мешать вспоминать твою «Спящую обнаженную».

– Ты мне не мешаешь.

– Ты что, и вправду кончила?

– У тебя есть такт, это приятно.

– Мне просто завидно. Ночью ты была тише.

– Ночью я не могла кричать, так мне было хорошо.

– Ах ты плутовка, опять вывернулась. И как изящно!

– Не могу поверить в то, что у тебя есть комплексы.

– Комплексов нет, но опасения имеются.

– К черту и то и другое. Куда это мы зашли? В подземелье?

– Нет, мы еще выше уровня моря. Видишь, – свет льется из бойниц. Оттуда обороняющиеся стреляли из пушек по осаждающим замок ордам варваров. Лили кипящую смолу и показывали нападающим язык.

– Говорят, там внизу сохранилась подземная тюрьма римлян. Помещение для пыток. Колыбель Иуды, Нюрнбергская дева... И камеры для заключенных. Посмотрим?

- Пожалуй с меня хватит ужасов. Давай лучше выйдем на набережную, погреемся на солнце, посидим в кафе, поедим салат с инжиром. Или закажем жирный итальянский пудинг.
- Нет, милый, прошу тебя, спустимся еще на несколько этажей вниз... прошу... мне так любопытно. Никогда не бывала в античной тюрьме.
- А в обыкновенной, современной, бывала? Я два года назад всего одну ночь провел в камере – на всю жизнь достаточно.
- Это из-за тех оторванных голов?
- Из-за них.
- Тебя допрашивали?
- Еще как.
- С пристрастием?
- Да. Но на колыбель Иуды меня не сажали.
- У тебя на спине и ягодицах странные шрамы.
- Это реликты другой жизни.
- Не мудри, кто тебя так?

...

Зря я заговорил с Матильдой о камере. Забыл о том, что может из-за этого произойти.

Мы все еще болтали, когда передо мной внезапно возник, как из-под земли вынырнул, незабвенный комиссар Леперье. Комиссар протанцевал на цыпочках несколько па и быстро проговорил: Жалко, жалко, что я тогда вас на пирамидку не посадил. Вы бы у меня во всем сознались. Вы же слабак! И кровожадный убийца. Вы виновны, князь! Виновны! Виновны! Мне не удалось вас изобличить, но от высшего суда не убежишь. Ни на Линкольне, ни на яхте! И в замке не спрячешься! И под юбкой у вашей дамы тоже! Ха-ха! Вы кажется еще не поняли, что она вовсе не та, за которую вы ее принимаете. Готовьтесь к тому, чтобы выпить горькую чашу до дна! Да-с, князь, до дна! Не хотите ли в зеркальце взглянуть?

И он ткнул мне в лицо большое овальное зеркало в медной оправе.

Я невольно посмотрел в него, но вместо себя увидел какую-то гадкую рожу с тремя носами и четырьмя глазами и с огромным зубастым ртом. Рожа эта ухмыльнулась и произнесла важно: Запомни, рыбка, сумма квадратов катетов не всегда равна квадрату гипотенузы. Хррак и готово! Все птички разлетелись. Иди, ищи, ветра в поле.

...

Матильда никак не отреагировала на появление Леперье, очевидно она его не видела и не слышала. Положила руки на стену, состоящую из мощных прямоугольных блоков. Глубоко задумалась. И глаза закрыла.

– Милая, пойдем отсюда.

– Отойди.

– Что с тобой, дорогая?

Матильда отошла от стены, взяла меня за руку, потянула, и сказала упрямо: Хочу в римскую тюрьму. Пойдем, я отведу тебя вниз.

Повисла у меня на правой руке как свинцовая гиря. Я подумал, что она дурачится, сказал ей что-то ласковое, а затем попробовал стряхнуть ее с себя. Но не тут-то было,

Матильда вцепилась в мою руку как львица в антилопу. И потянула меня к запертой на висячий замок двери, на которой была табличка с надписью: Стоп! Не входите! Опасная зона!

Сорвала замок вместе с петлями так легко, как будто они были из бумаги, открыла дверь и подтолкнула меня к винтовой лестнице, ведущей в подземелье.

Мы начали спускаться.

Я чувствовал себя провинившемся школьником, которого тучная учительница биологии ведет за руку к директору.

Круглые стены вокруг нас были сырые и страшные, как будто изъеденные крысам, ступеньки – грубо обтесанные, скользкие. Редкие лампы почти не светили.

Я слышал доносящиеся откуда-то снизу непонятные звуки. Кто-то пел заунывную песню, а ему подвывала стая шакалов или волков.

Несколько раз я робко пытался повернуть назад, но каждый раз Матильда висла у меня на руке и толкала меня вниз. Я не хотел бороться с ней, потому что боялся, что кто-нибудь из нас споткнется, покатится вниз по лестнице и разобьется.

...

Наконец спуск кончился.

Мы очутились в круглом зале с невысокими колоннами, похожем на крипту. По всему периметру были вырублены ниши, в которых стояли статуи каких-то невыносимо уродливых божков, похожих на работы Гигера. Перед ними горели черные свечи.

Матильда провела меня по кругу.

У каждой ниши она останавливалась и бормотала заклинания. На помертвевшем ее лице я заметил гримасу безумной торжественности.

Подруга моя стала неузнаваемой, даже фигура ее изменилась...

Одета она была тоже не так, как до нашего спуска по лестнице. Темный полупрозрачный плащ с капюшоном покрывал ее с головы до пят. Под плащом она была нагая. На ногах ее не было обуви.

В середине крипты возвышалась мраморная статуя неизвестной мне богини, окруженная горящими свечами. Только свечи эти были красными.

Матильда встала на колени и заставила меня сделать тоже самое. Опустила голову и начала бормотать заклинания.

Двухметровая богиня была обнажена, крылата и рогата. В поднятых ее руках она держала предметы, похожие на большие петли. Ступней у богини не было, вместо них на каждой ноге она имела по три длинных пальца с согнутыми когтями, как у птицы.

Кто-то дунул мне в ухо: Астарта...

Астарта, великая мать людей и богов. В руках она держала анхи, «узлы жизни».

...

Подумал: Матильда явно знала, куда меня ведет и зачем. Никакая римская тюрьма ее не интересовала. Что ей тут нужно?

Долго гадать мне не пришлось.

Матильда резко встала и сбросила плащ.

Подошла к статуе, обняла ее, прижалась и... слилась с ней.

Статуя ожила.

Захлопала крыльями как птица, взлетела...

Полетала в крипте, потом встала на ноги там, где стояла раньше, и поманила меня пальцем. Я подошел к ней. А она надела один из анхов мне на шею и резко его стянула. Крипта затряслась и запрыгала. Потом все померкло.

...

Я шел по узкому проходу между каменными стенами.

Тот звук, который я впервые услышал когда мы начали спускаться по лестнице, стал заметно громче. Он был теперь похож на гром от множества молний.

Стены флуоресцировали неприятным, переливающимся как северное сияние, синеватым светом. Неожиданно я увидел перед собой старых знакомых. Мне показалось, что они состояли из теней или эктоплазмы.

Впереди всех стоял голый до пояса мужчина с великолепными черными усами. На ногах у него были остроносые туфли. На груди – синела татуировка. В руке он держал пластиковый хлыст.

Капитан с огромной бородой потрясал трезубцем.

Доктор Шнабель протягивал мне сушеную жабу.

Кришна подмигивал и приглашал меня жестами в ванну.

Архимед с мраморной головой слепил меня зеркалом.

Администратор отеля Мирамар застенчиво улыбался и показывал глазами на Архимеда.

Матильда и ее сынок о чем-то беседовали. Матильда держала в руках букет из свежих фиалок. Коки гримасничал.

Всеми забытый великан Альфонсо Добрый, состоящий только из огромных сапог и головы в шлеме конфузливо топтался на месте.

Позади всех стоял герцог с целой свитой из молодых офицеров и обольстительно улыбался. В руках он держал роскошную деревянную модель яхты «Сиракузы».

Один из офицеров катил по проходу громоздкую театральную машину для имитации раскатов грома.

...

Внезапно тяжелые каменные стены разъехались в разные стороны и опрокинулись.

Солнечный свет ослепил меня. Я зачирикал как канарейка.

Герцог и его спутники захохотали.

Только тогда я понял, что нахожусь во дворце герцога, и меня разыграли как бедного Дон Кихота.

Доктор Фердинанд пощупал мне пульс и подал мне белую пилюлю с красной полосочкой посередине.